

Свирель — эпизод 2 из 3

Нынче, брат, волк и лисица в диковинку, а не то что медведь или норка. А ведь прежде даже лоси были! Лет сорок я примечаю из года в год божьи дела и так понимаю, что всё к одному клонится.

К чему?

К худу, паря. Надо думать, к гибели... Пришла пора божьему миру погибать. Старик надел картуз и стал глядеть на небо.

Жалко! вздохнул он после некоторого молчания. И, боже, как жалко! Оно, конечно, божья воля, не нами мир сотворен, а всё-таки, братушка, жалко. Ежели одно дерево высохнет или, скажем, одна корова падет, и то жалость берет, а каково, добрый человек, глядеть, коли весь мир идет прахом? Сколько добра, господи Иисусе! И солнце, и небо, и леса, и реки, и твари всё ведь это сотворено, приспособлено, друг к дружке прилажено. Всякое до дела доведено и свое место знает. И всему этому пропадать надо!

На лице пастуха вспыхнула грустная улыбка и веки его заморгали.

Ты говоришь миру погибель... сказал Мелитон, думая. Может, и скоро конец света, а только нельзя по птице судя. Это навряд, чтобы птица могла обозначать.

Не одни птицы, сказал пастух. И звери тоже, и скотина, и пчелы, и рыба... Мне не веришь, спроси стариков; каждый тебе скажет, что рыба теперь совсем не та, что была. И в морях, и в озерах, и в реках рыбы из года в год всё меньше и меньше. В нашей Песчанке, помню, щука в аршин ловилась, и налимы водились, и язь, и лещ, и у каждой рыбины видимость была, а нынче ежели и поймал щуренка или окунька в четверть, то благодари бога. Даже ерша настоящего нет. С каждым годом всё хуже и хуже, а погоди немного, так и совсем рыбы не будет. А взять таперя реки... Реки-то, небось, сохнут! Это верно, что сохнут.

То-то вот и есть. С каждым годом всё мельче и мельче, и уж, братушка, нет тех омутов, что были. Эвона, видишь кусты? спросил старик, указывая в сторону. За ними старое русло, заводинкой называется; при отце моем там Песчанка текла, а таперя погляди, куда ее нечистые занесли! Меняет русло и, гляди, доменяется до той поры, покуда совсем высохнет. За Кургасовым болота и пруды были, а нынче где они? А куда ручьи девались? У нас вот в этом самом лесу ручей тёк, и такой ручей, что мужики в нем верши ставили и щук ловили, дикая утка около него зимовала, а нынче в нем и в половодье не бывает путевой воды. Да, брат, куда ни взглянь, везде худо. Везде!

Наступило молчание. Мелитон задумался и уставил глаза в одну точку. Ему

хотелось вспомнить хоть одно место в природе, которого еще не коснулась всеохватывающая гибель. По туману и косым дождевым полосам, как по матовым стеклам, заскользили светлые пятна, но тотчас же угасли это восходившее солнце старалось пробиться сквозь облака и взглянуть на землю. Да и леса тоже... пробормотал Мелитон.

И леса тоже... повторил пастух. И рубят их, и горят они, и сохнут, а новое не растет. Что и вырастет, то сейчас его рубят; сегодня взошло, а завтра, гляди, и срубили люди так без конца краю, покуда ничего не останется. Я, добрый человек, с самой воли хожу с общественным стадом, до воли тоже был у господ в пастухах, пас на этом самом месте и, покуда живу, не помню того летнего дня, чтобы меня тут не было. И всё время я божьи дела примечаю.

Пригляделся я, брат, за свой век и так теперь понимаю, что всякая растения на убыль пошла. Рожь ли взять, овощь ли, цветик ли какой, всё к одному клонится.

Зато народ лучше стал, заметил приказчик.

Чем это лучше?

Умней.

Умней-то умней, это верно, паря, да что с того толку? На кой прах людям ум перед погибелью-то? Пропадать и без всякого ума можно. К чему охотнику ум, коли дичи нет? Я так рассуждаю, что бог человеку ум дал, а силу взял. Слаб народ стал, до чрезвычайности слаб. К примеру меня взять... Грош мне цена, во всей деревне я самый последний мужик, а все-таки, паря, сила есть.